

Г. А. КЛИМОВ

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О КРИТЕРИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ДИАЛЕКТА

Обращение к лингвистической стороне многогранного творческого наследия классиков марксизма уже неоднократно и с достаточной очевидностью демонстрировало их глубокое проникновение в существо общей, а иногда и специальной, проблематики языкознания. Известно немало случаев, когда, намного опережая свое время, К. Маркс и Ф. Энгельс высказывали идеи, лишь позднее получившие эксплицитную формулировку в науке о языке. В этой связи можно упомянуть, например, предвосхищение Ф. Энгельсом проблематики и методики лингвистической географии, его соображения о языковых отношениях в родовом обществе, различение им внешней и внутренней хронологии языка письменных памятников и некот. др.¹ Столь же новаторские представления характеризуют выдвигавшуюся великим сподвижником К. Маркса совокупность критериев отнесения диалекта к определенному языку в альтернативной ситуации.

Если учесть специальные интересы Ф. Энгельса в области диалектологии германских, и отчасти — романских, языков, как известно, нашедшие отражение не только в его классическом исследовании, посвященном франкскому диалекту, но и в целом ряде других работ, а также в личной переписке, то будет нетрудно увидеть, что он не мог обойти стороной столь часто возникающую перед диалектологом проблему соотношения диалекта с определенным языком.

Не приходится, конечно, отрицать того обстоятельства, что в работах Ф. Энгельса язык и диалект не всегда получают строгое терминологическое обособление. В частности, было бы тщетным искать такое обособление во «Франкском диалекте», исследовательская перспектива которого во многом обращена в донациональную эпоху, где отчетливо выступают качественные отличия языковой ситуации (ср., например, чередование здесь таких терминов как «франкский диалект», «франкский язык», «верхнефранкский язык», «рейнско-франкский язык», «салический диалект» и «салический язык» и т. п.). Нетрудно заключить, что в этом обстоятельстве скорее всего следует усматривать реализацию конкретно-исторического подхода, столь характерного для энгельсовского решения и других лингвистических вопросов. «Хотя Морган и Энгельс проводили различие между диалектом (применительно к племени) и языком (применительно к союзу племен), — справедливо отмечает в связи с трудом „Проис-

¹ См. об этом: В. М. Ж и р м у н с к и й, *Немецкая диалектология*, М. — Л., 1956, гл. I; А. В. Д е с н и ц к а я, К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972, стр. 158 и сл.; С. Д. К а ц н е л ь с о н, Метод системной реконструкции и внутренняя хронология историко-лингвистических фактов, там же, стр. 286—289.

хождение семьи, частной собственности и государства" А. В. Десницкая, — вряд ли следует придавать этому терминологическому различению абсолютное значение. Понятия диалекта и языка в такого рода социально-исторических контекстах не могут быть четко и строго разграничены»². Этот вывод представляется еще более убедительным на фоне работ Ф. Энгельса, посвященных последующим периодам развития общества, например эпохе формирования наций, в которых ясно обозначается стремление связывать с этим терминологическим разграничением строго определенное содержание (в частности, прежде всего с названной эпохой соотносится неоднократно подчеркивавшийся им самостоятельный статус языка и подчиненный характер диалекта).

Ф. Энгельс не оставил специального рассмотрения проблемы языковой идентификации диалекта. Его высказывания в этой связи чаще всего встречаем в контекстах, посвященных идеологической борьбе с реакционными концепциями того времени: в одних случаях — эта полемика по национальному вопросу³, в других — это критика того, как, говоря его словами, «...филология была использована панславистами...» для пропаганды тезиса о единстве языка всех славян⁴, в-третьих — это демонстрация несостоятельности внешней политики бонапартистского режима и т. д. Тем не менее, анализ всей совокупности энгельсовских формулировок по этой проблеме, рассеянных по разным публикациям, свидетельствует о том, что задолго до специальной постановки последней в языковедении Ф. Энгельс так или иначе решал ее. Более того, как его отдельные прямые высказывания, так и ряд косвенных указаний, говорят за то, что при этом он руководствовался определенными критериями, принадлежность которых к некоторой единой системе не оставляет сомнений.

Отмечая очевидные языковые контрасты на границах романской, германской и славянской языковых областей, Ф. Энгельс писал вместе с тем следующее: «Но иначе обстоит дело, когда сталкиваются два романских языка и именно не литературный итальянский язык, *il vero toscano*, и не язык образованных слоев Северной Франции, а пьемонтский диалект итальянского языка и выродившийся в тысячу патуа исчезнувший южно-французский язык трубадуров, который мы для краткости назовем неточно, но, по общепринятому выражению, провансальским. Тому, кто хотя бы поверхностно изучал когда-нибудь сравнительную грамматику романских языков или провансальскую литературу, должно было тотчас же броситься в глаза большое сходство народного языка Ломбардии и Пьемонта с провансальским языком. В ломбардском это сходство ограничивается, правда, лишь внешними признаками диалекта... Пьемонтский диалект в своих главных чертах имеет значительное сходство с ломбардским, но он уже ближе к провансальскому, чем последний, а в Коттских и Приморских Альпах оба наречия, без сомнения, так близки, что трудно установить между ними точную границу»⁵. Аналогичные задачи Ф. Энгельсу приходилось решать и в хорошо знакомых ему условиях постепенности языковых переходов в германской языковой области. При этом обращает на себя внимание тот факт, что, неоднократно касаясь последних, он неиз-

² А. В. Десницкая, указ. соч., стр. 168; см.: е е ж е, Об историческом содержании понятия «диалект», сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языковедения», М., 1970.

³ Ф. Энгельс считал рассмотрение соотношения языков необходимым условием адекватного анализа национального состава того или иного региона, см.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 618.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 11, стр. 205.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 619 (здесь оставляем в стороне степень адекватности схемы диалектного членения данного ареала, которой он придерживался).

менно рассматривал нидерландский в качестве самостоятельного языка. Сходную ситуацию он видел и в восточнославянском ареале (ср. его высказывания в пользу признания языковой самостоятельности украинского ⁶).

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в то время, когда многие современные ему языковеды искали критерии языковой идентификации диалекта в структурном плане (чего, впрочем, не смогли избежать и некоторые лингвисты XX в.), для Ф. Энгельса с самого начала была очевидной неэффективность в этом отношении структурных характеристик. «Североитальянский и южнофранцузский диалекты настолько близки друг к другу, — писал он в статье „Савойя и Ницца“, — что почти невозможно сказать, где кончается один и начинается другой. Даже говор Пьемонта и Ломбардии по своим флексиям является целиком провансальским, в то время как образование слов из латинских корней по существу такое же, как в итальянском языке» ⁷. Продолжая эту мысль в специальной брошюре, посвященной политическим судьбам смежной франко-итальянской полосы, Ф. Энгельс заключает: «Таким образом, народный язык в этом случае не может служить критерием для решения вопроса о национальности. Альпийский крестьянин, говорящий по-провансальски, с одинаковой легкостью усваивает как французскую, так и итальянскую речь и одинаково редко пользуется как той, так и другой; он довольно хорошо понимает пьемонтскую речь и вполне обходится ею» ⁸. По существу из этого же принципа исходит Ф. Энгельс, когда, отчетливо осознавая гетерогенный по своему происхождению характер литературной нормы нидерландского языка ⁹, он нисколько не сомневается в самостоятельном языковом статусе последнего.

Все критерии, которые привлекались им при определении языковой принадлежности диалекта, носили социологический характер. Если учесть последовательно проводившуюся в работах Ф. Энгельса идею о самостоятельности языка и зависимости или подчиненности диалекта, то в качестве признаков конкретной языковой принадлежности последнего он рассматривал фактор использования его носителями определенного литературного языка, фактор наличия у них взаимопонимания с другими соподчиненными речевыми коллективами и, по-видимому, фактор их определенного этнического самосознания.

Важнейшим критерием установления языковой соотнесенности диалекта Ф. Энгельс неизменно считал признак функционирования у говорящих на нем определенного литературного языка. Поэтому переориентация носителей диалекта на некоторый иной литературный язык рассматривалась им как серьезный стимул к изменению языковой принадлежности диалекта. К ссылкам на этот признак Ф. Энгельс прибегал особенно часто. В то же время меньшее место он отводил двум другим признакам, которые, судя по практике его работ, выступали у него скорее в роли вспомогательных критериев, использовавшихся в дополнение к основному.

При решении вопроса языковой идентификации речи переходной француско-итальянской полосы он прямо писал: «Если же оказывается необходимым установить более прочные (языковые. — Г. К.) связи, то их может дать только литературный язык, а таковой, разумеется, во всем Пьемонте и Ницце — итальянский; единственное исключение составляют

⁶ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 19.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 583.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 620.

⁹ Об этом см.: С. А. Миронов, Ф. Энгельс и изучение истории нидерландского языка. сб. «Энгельс и языкознание», стр. 252.

долины Аосты и Вальдеси, где местами преобладает французский литературный язык»¹⁰.

Два других свидетельства диагностирующей роли, придававшейся Ф. Энгельсом данному признаку, связаны с его оценкой языкового статуса провансальского, ареал распространения которого оказался под сильным воздействием со стороны французского литературного языка. В одном случае он констатирует, что этот имевший в прошлом блестящую литературу язык после трехсотлетней борьбы оказался фактически низведенным до степени французского диалекта¹¹. В другом речь идет о том, что на территории Испании «провансальское наречие (речь идет о каталанском языке. — Г. К.) ... не только в общем сохранилось в гораздо более чистом виде, чем где бы то ни было во Франции, но даже отстаивает свое существование в качестве письменного языка в народной литературе»¹².

Еще одно свидетельство применения Ф. Энгельсом критерия литературного языка составляет определение им позиции ретороманского языка в тот период, когда некоторые исследователи рассматривали его в качестве одного из итальянских диалектов, а другие практически не считались с ним вовсе. Ф. Энгельс, проявивший интерес к этому, по его выражению, языку «с печатью таинственности» еще в 1841 г., придерживался мнения о самостоятельном романском языке Швейцарии (термин «рето-романский» использован им в 1860 г.) также, по-видимому, на основании наличия у него собственной литературной традиции, восходящей по крайней мере еще к XVI столетию (к началу XIX в. относится уже попытка создания здесь единой нормы)¹³. В соответствии с этим находится и его утверждение о том, что «...романские диалекты Граубюндена и Тироля совершенно независимы от итальянского языка»¹⁴. В связи с таким решением вопроса уместно напомнить одно более общее лингвистическое наблюдение Ф. Энгельса, согласно которому «везде, где итальянский язык сталкивался в Альпах с другими языками, он оказывался более слабым. Ни в одном пункте он не проникает за Альпийскую цепь... Напротив, все пограничные языки отвоевали у него территорию к югу от Альп»¹⁵. За ним стоит известное положение классиков марксизма о многосторонних следствиях экономической и политической децентрализованности Италии того времени.

Другим критерием языкового соотношения диалектов, который использовался Ф. Энгельсом, был признак наличия или отсутствия взаимопонимания между их носителями. Наиболее отчетливо опирается он на этот признак в статьях, содержащих критику реакционной панславистской концепции единого языка славян, распадающегося будто бы лишь на диалекты. Так называемый «славянский язык» существует, по его мнению, только в фантазии таких идеологов панславизма, как Ф. Палацкий, Л. Гай и др., «... и отчасти в старославянском богослужении русской церкви, не понятном уже ни одному славянину»¹⁶. При этом отсутствие взаимопонимания между представителями различных славянских языков, как пишет Ф. Энгельс, «...было комическим образом доказано на Славянском съезде в Праге в 1848 г., где после различных бесплодных попыток

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 620.

¹¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 378; см. там же, т. 13, стр. 619.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 620.

¹³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. 6, стр. 92; т. 13, стр. 619; ср. т. 41, стр. 158. Ср. в этой связи: М. А. Бородин, Современный литературный ретороманский язык Швейцарии, Л., 1969, стр. 17—25.

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 618.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 182.

найти общий, понятный для всех язык, участники его вынуждены были, в конце концов, говорить на самом ненавистном для всех них языке — на *немецком*»¹⁷. Исходя из факта существования самостоятельных литературных языков и отсутствия взаимопонимания, он насчитывал всего до двенадцати славянских языков (русский, украинский, польский, чешский, оба лужицких, словенский, сербскохорватский, болгарский, македонский, древнецерковнославянский и, по-видимому, так называемый «русинский», нередко выделявшийся в работах немецких языковедов того времени)¹⁸.

Имеются, наконец, некоторые основания полагать, что наряду с общими перечисленными признаками при решении альтернативы языковой принадлежности диалекта Ф. Энгельс учитывал и фактор наличия определенного этнического самосознания у представителей соответствующего речевого коллектива. Об этом, в частности, может свидетельствовать отрывок из его статьи «Савойя и Ницца», где отмечается, что «население графства Ницца также говорит на провансальском диалекте, но здесь литературный язык, образование, *национальный дух* (курсив наш. — Г. К.) — все итальянское»¹⁹.

Для того чтобы должным образом оценить энгельсовский подход к решению этой проблематики, целесообразно сопоставить с ним несколько более поздние высказывания двух видных лингвистов прошлого. К тому же эти высказывания интересны потому, что они относятся к рассматривавшемуся Ф. Энгельсом языковому материалу. Так, Г. Шухардт, хотя и апеллировал при этом к понятию литературного языка, пришел к неизбежно релятивистскому в этом плане структурному решению вопроса. В одной из своих публикаций он утверждал следующее: «Наиболее пригодным пунктом с этой точки зрения являются литературные языки. Определяя, например, какой-либо диалект на границе Франции или Италии, мы должны установить, к какому из двух литературных языков — французскому или итальянскому — он ближе; возможно, что он одинаково далеко отстоит и от первого и от второго. При этом нельзя забывать, что такие определения весьма относительны; говор, относимый нами к диалекту Рима и его окрестностей, когда речь идет о Риме или Париже, нельзя будет, возможно, считать таковым, если перенести центр тяжести из Парижа, например, в Марсель»²⁰. Естественным следствием такого подхода в конечном счете оказывалось отрицание объективной ценности генеалогической классификации языков. Совершенно иным образом высказывался в этой связи Г. Пауль: «Границы отдельных наций можно с уверенностью установить не по диалектам, а только по письменным (литературным. — Г. К.) языкам. Так, например, североитальянские диалекты имеют много общих существенных черт с французским языком и ближе стоят к соседним французским диалектам, чем к итальянскому письменному языку или к тосканскому наречию»²¹. Обращает на себя внимание тот факт, что этот крупнейший представитель младограмматизма двумя десятилетиями позже по существу повторил лишь один из сформулированных Ф. Энгельсом критериев. Нельзя не заметить и общей контекстуальной близости последней цитаты к приводившимся выше высказываниям Ф. Энгельса.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 11, стр. 205.

¹⁸ Ср., например: К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 179, 181—182; т. 22, стр. 19 и др.

¹⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 583. Ср. в этой связи: Л. И. Баранникова, О разграничении языка и диалекта, сб. «Язык и общество», М., 1968, стр. 171.

²⁰ Г. Шухардт, О классификации романских диалектов, в его кн. «Избранные статьи по языковедению», М., 1950, стр. 140.

²¹ Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 65.

Здесь было бы недостаточным, однако, ограничиться только характеристикой самих критериев, использовавшихся Ф. Энгельсом при языковой идентификации диалекта. Нельзя оставить без внимания и отдельные его высказывания, подчеркивающие яркий историзм его подхода к проблеме, который заключается в учете им существующих тенденций изменения конкретной языковой ситуации. Так, характеризуя сложившееся в середине прошлого столетия положение в Савойе, где при функционировании французского в качестве «литературного и официального» языка массы говорили по-провансальски, он отмечал, что эта область, «...будучи целиком французской, несомненно, будет все больше и больше тяготеть к основному центру французской национальности и в конце концов присоединится к нему, так что это лишь вопрос времени»²². В соответствии с таким подходом оказывается и его известная формулировка, согласно которой «южнофранцузская национальность в средние века была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская — русской»²³. Другим свидетельством именно такого подхода может послужить сравнение приведенного выше высказывания Ф. Энгельса о каталанском языке с цитатой из его значительно более поздней работы, где признается, что «...говорящий по-провансальски Арагон подчинился кастильскому литературному языку...»²⁴. Как хорошо известно, за подобными изменениями языковой ситуации Ф. Энгельс видел более общие закономерности политической и экономической концентрации общественной жизни в эпоху становления наций.

Думается, что предпринятый здесь обзор высказываний Ф. Энгельса достаточно красноречиво говорит о том, что задолго до специальной постановки вопроса об определении языковой принадлежности диалекта он отдавал себе отчет в неэффективности апелляции при этом к каким-либо структурным критериям. В решении альтернативных ситуаций он обращался исключительно к признакам социологического порядка. Нельзя не обратить внимания и на факт, насколько верно был им предвосхищен и сам конкретный комплекс последних, широко используемый в современных лингвистических исследованиях²⁵.

²² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 583.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 377—378.

²⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 415.

²⁵ Ср., например: «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка», М., 1970, стр. 452; Р. Леч, К вопросу о соотношении категорий «язык» и «диалект», сб. «Русское и славянское языкознание», М., 1972, стр. 162—169.